

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ЭЛИС КОВЫ:

ЦИКЛ «РОЖДЕННАЯ СТИХИЯМИ»

ПРОБУЖДЕНИЕ ВОЗДУХА

ПАДЕНИЕ ОГНЯ

КРОВЬ ЗЕМЛИ

ГНЕВ ВОДЫ

КРИСТАЛЬНАЯ КОРОНА

ЦИКЛ «УЗЫ МАГИИ»

СДЕЛКА С КОРОЛЕМ ЭЛЬФОВ

ТАНЕЦ С ПРИНЦЕМ ФЕЙРИ

ДУЭЛЬ С ЛОРДОМ ВАМПИРОВ

ДУЭТ С ГЕРЦОГОМ СИРЕН

ЦИКЛ «ХРОНИКИ СВЕТА»

ВИХРЬ ВИДЕНИЙ

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ЦИКЛ «АКАДЕМИЯ АРКАНОВ»

АКАДЕМИЯ АРКАНОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ЭЛИС
КОВА

АКАДЕМИЯ
АРКАНОВ

Freedom
МОСКВА
2026

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К56

Elise Kova
ARCANA ACADEMY

Copyright © 2025 by Elise Kova. All rights reserved.

Иллюстрация на обложке Uni Selcha
Художественное оформление Пинч

Кова, Элис.

К56 Академия Арканов / Элис Кова ; [перевод с английского А. А. Елизаровой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 704 с. — (Young Adult. Магические бестселлеры Элис Ковы).

ISBN 978-5-04-218374-4

Сломайся или умри. Иначе в тюрьме Халазар не бывает. Клару же не устраивает ни один из этих вариантов.

На улицах Эклипс-Сити девушка жила впроголодь, полагалась на удачу и прибегала к магии, нарушая закон. Но однажды одна из миссий идет не по плану. И вот она пожизненно прикована к своей камере за преступление: отрисовку карт Таро — редкую способность, которой могут обладать лишь ученики элитной Академии Арканов.

Принц Кэйлис, таинственный директор Академии, предлагает Кларе выход. Девушке предстоит украсть карты Таро у короля, чтобы создать всемогущую карту, до этого считавшуюся лишь мифом. Однако у всего своя цена: девушка станет не только новой претенденткой на поступление в магическую школу, но и невестой Кэйлиса.

Мир арканной магии манит Клару. Принц оказывается вовсе не таким злодеем, как она считала раньше. Но рискнет ли она вручить ему власть над миром... и ее сердцем? Или предпочтет побороться за них сама?..

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Елизарова А. А., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-218374-4

*Посвящается Джени
Спасибо за то, что веришь в меня*

Сломайся или умри. Иначе в тюрьме Халазар не бывает. Меня же не устраивает ни один из вариантов. Двое стражников приближаются к моей камере.

Мужчина, возглавляющий это малочисленное шествие, несет раздражающе яркий фонарь. После года, проведенного в замкнутом помещении без намека на солнце, мои глаза отвыкли от света, и в них возникает резь даже от тусклой лампы.

Им еще рано приходить за мной. Я ожидаю, что стражники пройдут мимо, но они останавливаются у моей двери. Я не узнаю ни одного из них, но это заслуга надзирателя Главстоуна. Он постоянно сменяет их, потому что любой, кто проведет здесь слишком много времени, может узнать слишком много лишнего.

— Клара Грейсворд?

В Эклипс-Сити фамилию «Грейсворд» дают осиротевшим или нежелательным детям. Именно ее я взяла, когда меня схватили, и тем самым дала понять всему миру, что у меня нет семьи, которой можно навредить.

В ответ я вскидываю подбородок.

— Тебя ждут на аудиенцию. — Стражник приподнимает фонарь выше, чтобы получше рассмотреть меня через прутья решетки. К сожалению для него, меня бросили здесь гнить, и мой облик оставляет желать лучшего.

— Как официально. — Мой голос срывается, а в горле пересыхает так, словно его набили тисовым пеплом. — С кем?

Стражники не отвечают, лишь один из них вставляет ключ в массивный навесной замок на двери.

Как правило, его снимают раз в неделю, а три дня назад за мной уже приходили. Меня выпускают только для того, чтобы отвести в кабинет надзирателя Главстоуна и запереть в скрытом от глаз тесном чулане, где я рисую карты Таро в обмен на маломальские удобства, каких можно добиться в этом склепе. Но я бы рисовала карты и без этого обмена. Ведь, когда я выберусь отсюда, мой разум не затуманится, а руки не лишатся мастерства.

Не важно, вытащит ли меня семья или я спасусь сама, но я покину это место. Я отказываюсь здесь умирать.

Стражники расступаются, и я выхожу из камеры, оказываясь между ними. Как только глаза привыкают к свету фонаря, я вижу место моего заточения с большей четкостью, чем когда-либо прежде. И, честно говоря, не так уж мне этого и хотелось.

Во имя двадцати Старших Арканов, Халазар поистине чудовищный.

Стены облеплены толстым слоем нечистот, крови и других жидкостей, о которых я всеми силами стараюсь не думать. Могу только представить, какая вонь стоит в воздухе, — здешние ароматы так перенасытили нос, что у меня напрочь отбило обоняние.

Мои товарищи по несчастью, а иначе другие заключенные, шипят на нас, но потом шарахаются по затененным

закуткам, дарящим ощущение безопасности, лишь бы оказаться подальше от света фонаря. Низведенные до зверей и облаченные в лохмотья, похожие на мои, они ползут по грязи на четвереньках.

Умы и тела, заточенные во тьме и неволе, слабеют. Эта тюрьма самая мрачная во всем королевстве Орикалис, место, куда ссылают худших из худших. Убийц, насильников, угнетателей невинных и людей вроде меня... которые дерзнули отрисовывать арканы без королевского контроля.

Меня сопровождают к незнакомому пролету, и мы начинаем подниматься по узкой лестнице. Замыкающий стражник кладет руку на навершие меча, но даже не думает вытаскивать оружие из ножен. Для такого рода угрозы просто нет необходимости. В воздухе так и звенит незаданный вопрос: «Ну куда ты денешься отсюда?»

Мы поднимаемся все выше, и тут мое лицо обдувает морозный ветер, просочившийся через трещину в стене. Я заглядываю в нее и замечаю бурлящую реку. Близится закат, ну или рассвет, — из-за пасмурной погоды тяжело понять. И все же я прищуриваюсь. Впереди лишь горы, а значит, я смотрю на запад, на противоположную от города сторону.

Я делаю один глубокий вдох, и холодный воздух обжигает легкие. Я превратилась в жалкое создание, более неспособное дышать свежим воздухом.

— Шевели ногами. — Замыкающий стражник толкает меня в спину. Качнувшись на месте, я выбрасываю руку вперед, чтобы ухватиться за стену, и ломаю ноготь едва ли не под корень. Однако мое тело вынесло столько страданий, что я почти не ощущаю боли.

Мы останавливаемся у незнакомой двери. На ней вырезан один-единственный меч, выплывающий из облаков. Его острие венчает корона, а лезвие от верха до низа увито розовыми лозами.

Этот символ ни с чем не спутать. Туз Мечей. Первый в масти. Эмблема королевской семьи Орикалис. По обе стороны от двери стоят два рыцаря в серебряных доспехах. Не городские блюстители, не тюремная стража, а королевские рыцари. Стеллиты, как любят их называть. Элитное подразделение лучших из лучших воителей королевства, поклявшихся защищать корону и блюсти закон. Поговаривают, что их силу и мастерство превосходит лишь их собственная жестокость. На шлемах, аккурат над ушами, высечена россыпь крошечных мечей в форме опахала, а за ними торчат пучки белоснежных и черных как смоль перьев.

На мгновение меня уносит из Халазара, и я вновь переживаю свои последние часы в Эклипс-Сити, когда стеллиты, облаченные в точно такую же броню, скрутили меня перед судьей из клана Повешенного. Я помню, как щека прижималась к холодному полу. И как в противовес горело от стыда все тело, ведь меня предупреждали, что я угожу в ловушку, однако я не послушала.

Почти все силы уходят на то, чтобы сохранять спокойствие. Унимать дрожь в руках. И не растворяться в прошлом, невзирая на то что в ушах продолжают звенеть слова судьи: «Указом короны вы приговорены к пожизненному заключению в Халазаре».

— Ваше высочество, мы привели заключенную, — сообщает стеллит через дверь.

Ваше высочество? Нет. Нет, нет, нет. Едва преодолимое желание сбежать наполняет меня.

— Впустите ее, — приказывает голос, звучащий не громче шепота теней и не теплее, чем темнейшая зимняя ночь.

Дверь распахивается, открывая взгляду комнату с великолепным убранством, которому не место в Халазаре. По

обе стороны от двери стоят четыре шкафа из тиса, свидетельствующие о достатке их владельца: только состоятельные люди могут себе позволить не сжигать тис ради чертежного порошка, а собирать из него мебель. Тяжелые бархатные шторы защищают от пронизывающего ветра, но вместе с тем не пропускают и уличный свет.

Изысканный подход к каждому элементу поражает. В одном из двух вольтеровских кресел восседает мужчина в безупречном черном, как беззвездная ночь, костюме, закинув ноги на спину самого надзирателя Главстоуна.

Под этой тяжестью мускулистые руки надзирателя дрожат, а может, они дрожат еще и оттого, что все его тело усыпано тысячей мелких порезов. Кровавые следы ярко выделяются на побледневшей коже, лишь подчеркивая жестокость перенесенного наказания.

Я бы улыбнулась, возрадовавшись тому, как низко надзирателя вынудили опуститься, вот только у самой все волоски стоят дыбом. Развалившийся в шикарном кресле мужчина источает опасность. Кажется, даже свечи трепещут от страха в его присутствии.

Принц Кэйлис, второй из троих сыновей королевства Орикалис, заклинатель перевернутых карт и руководитель Академии Арканов. Принц, который стер целый благородный клан в порошок. Мужчина, чье имя в Орикалесе считается синонимом отчаяния. А еще у меня есть все причины полагать, что он убил мою мать... и сослал меня в тюрьму Халазар.

— Клара Грейсворд. — Он говорит протяжно, словно ему больно выдавливать из себя слова. Если его настолько раздражает фамилия Грейсворд, я бы с удовольствием посмотрела, как он произносит имя, данное мне при рождении. Однако истинное имя — один из самых тщательно оберегаемых мною секретов.

— Ваше королевское высочество, — отвечаю я равнодушно и ровно, со скукой в голосе. Притворяюсь, будто не проклинала его имя каждый месяц на протяжении последнего года и не составляла план мести.

— Сядь. — Его губы растягиваются в ухмылке.

Я хочу плюнуть ему в лицо. Но вместо этого повинуюсь, переступаю через порог кабинета и обхожу натекшую под надзирателем кровавую лужу. Проходя мимо, краем глаза присматриваюсь к его ранам. Каждый из сотен порезов нанесен безупречно, аккуратно и продуманно — не помешала даже плотная кожаная куртка. До меня доходила молва, какой губительной может быть карта Рыцаря Мечей в руках умелого арканиста. Лично я последствий ее применения не видела — никогда никого не ненавидела настолько, чтобы захотеть ее использовать против них.

Но это было до того, как я встретила Кэйлиса.

Устроившись напротив принца, я оцениваю его так же открыто, как и он меня.

Принц Кэйлис — олицетворение слова «суровый», как будто творцу бросили вызов и заставили создать самую жестокую версию маскулинности, какую человек только может вообразить. Его черные лакированные кожаные ботинки сверкают зеркальным блеском. Подогнанные под фигуру брюки облегают сильные бедра. Черная рубашка с воротником-стойкой едва виднеется из-под свободного пиджака, на котором серебряной нитью затейливо вышиты тысячи мечей. На шее висит цепочка из темно-серой стали с подвеской в виде короны на навершии меча. Лицо его обрамляют беспорядочными волнами темно-фиолетовые, почти черные волосы, отбрасывающие на глаза вечную тень.

Он источает силу и самообладание, чего точно нельзя сказать обо мне: мои кости под тонкой кожей так и дрожат. Темно-коричневые ломкие волосы никогда не получали

должного ухода, а сейчас они и вовсе грубо обрезаны по уши, потому что в камере Халазара невозможно за ними ухаживать или распутывать колтуны. Тюремная форма выглядит так, словно я с первого дня носила только ее, что, впрочем, так и есть.

— Если ты знаешь, кто я, значит, должна догадываться, почему я здесь. — Он складывает пальцы как перед молитвой и прижимает их к тонким губам.

— У меня есть некоторые мысли, ваше высочество. — Его титул вызывает горечь на языке.

— Хорошо. А еще лучше, что ты способна поддерживать разговор. В Халазаре люди часто... затихают, — тянет он.

Затихают? Он хотел сказать — ломаются. Разрушаются. Большинству обитателей здешних проклятых коридоров я не сочувствую, но здесь гниют и славные люди вроде меня, наказанные лишь за то, что дерзнули улучшить свою жизнь и жизнь любимых.

Кэйлис тянется в карман пиджака и достает колоду карт, расписанную вручную, и от рисунка на лицевой стороне каждой из них захватывает дух. Цвета, символы. Каждый мазок кистью безупречен. Колода идеально помещается в его длинных элегантных пальцах. Таро, достойные принца. Мне невыносимо думать, что мужчина вроде него способен сотворить подобную красоту.

Я бы многое отдала за то, чтобы рассмотреть их поближе. Мужчина на четвереньках передо мной истекает кровью, напротив сидит заклятый враг, а я не могу оторваться от потрясающего проявления искусства. Руки так и чешутся перетасовать колоду и с пафосом достать одну из карт пальцами, вместо того чтобы призывать ее магией.

— У меня есть к тебе несколько вопросов, Клара. И пускай я не сомневаюсь, что ты образец искренности, боюсь,

что не могу поверить заключенной на слово. — Он выкладывает на ладонь выбранную карту.

Девятка Мечей. На кровати, частично накрытая простынями, лежит женщина; она прибита к матрасу девятью клинками, а лицо ее искажено агонией.

Вероятно, на отрисовку этой карты ушел целый день. Детализация, а именно она насыщает карту силой, просто невероятна. Но вместе с восхищением меня одолевает ужас. Потому что я знаю, что эта карта означает, и понимаю, что меня ждет. Я удивлена, что ее не использовали против меня на суде. Хотя, полагаю, моя судьба была predetermined задолго до начала слушания. Зачем тратить карты на кого-то вроде меня?

— Если позволишь, — вкрадчиво произносит он. Как будто у меня есть другой выбор, кроме как собраться с мыслями и положить руку на Девятку Мечей.

Вначале карта вспыхивает серебряным светом, а затем сгорает в холодном белом пламени. Огонь превращается в девять крошечных мечей, сотканых из света и тени, и они безболезненно протыкают мою и его руки, скрепляя нас ладонью к ладони. В глазах принца плещется сила.

Меня пробирает дрожь, и уже через мгновение я оказываюсь под воздействием магии. Из истощенного и измученного тела тут же уходит все напряжение. «*Расслабься, — шепчет магия карты, — дайся...*»

— Как тебя зовут?

— Клара, — отвечаю я. Это он уже и так знает. Один из девяти мерцающих мечей растворяется.

— И за что ты здесь, Клара? — Он играет со мной.

— За незаконное рисование, продажу и использование карт Таро без предварительного окончания Академии Арканов и зачисления в клан, — говорю я. И летающие

с языка слова будто принадлежат кому-то другому. Словно их силой вытягивают из моего горла невидимой нитью.

Растворяется еще один меч.

Мне хватает ума не добавить, что если бы он, его семья и их законы не регулировали процесс обучения и использование арканов на практике, то людям вроде меня, без гроша в кармане и доступа к учебе, не пришлось бы идти на крайние меры. И что лишь благодаря незаконным рисовальщикам вроде меня обычный люд вообще может узнать, как сильно арканы способны повлиять на их жизни и улучшить ее.

— Ты в Халазаре из-за незаконного рисования карт Таро. — Он щелкает языком. — И что ты сделала первым делом, как оказалась за решеткой?

— Нарисовала карты по просьбе надзирателя Главстоуна. — Растворяется третий меч.

— Вот тварь, — выплевывает надзиратель, сверля меня взглядом желтых глаз, как будто я каким-то образом предала его.

— Видимо, да, — бесстрастно отвечаю я. И, кажется, слышу, как посмеивается принц.

Но тут же качает головой, стряхивая с себя признаки довольства.

— Сколько карт за последний год ты нарисовала для надзирателя?

— Сотни, возможно, почти тысячу. — Мой ответ расплывчатый, зато честный. Я не вела подсчет... — Обычно по несколько часов в день. — Растворяется четвертый меч.

— Какой масти?

— Каждой младшей. — *Пятый.*

— А что-нибудь из Старших Арканов?

— Я не знаю, как рисовать Старшие Арканы, никто не знает, — безэмоционально отвечаю я. *Шестой.* Магия Стар-